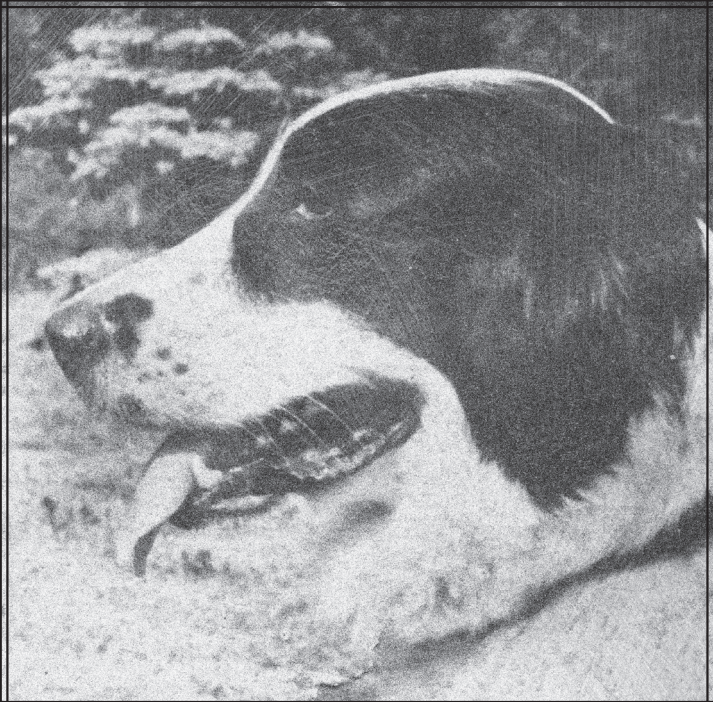

СОДЕРЖАНИЕ

СТЬЮПИ	7
СУТКИ ЧЕРЕЗ ТРОЕ	99
ЗДРАВСТВУЙ.....	153
БАБА ФЕНЯ	213
АПОЛОНИЯ.....	267
ПАПУЛЯ	325
ТОПОЛЬ ДРОЖАЩИЙ	373
GOOD OFF	423
ALTER EGO.....	481

СТЮПИ

*Памяти туркменских овчарок
по кличкам Алтын и Акэль*

Будучи знаком с сочинителем представляемых записок в течение небольшого времени, я не очень удивился, поняв, что их автором является именно он. Он вообще любил давать знать о себе довольно неожиданно. Неожиданными были и его письма, и редкие наезды в Ленинград, не предваряемые телеграммами или телефонными звонками. Ко времени получения этой бандероли я не видел Сергея лет пятнадцать. Впрочем, в одном из увиденных в Америке телерепортажей о чеченской войне я, казалось, узнал его. Одетый в камуфляжную форму и черную вязаную шапку, он разговаривал с группой себе подобных, указывая рукой направо-вдаль. Скорее всего, этот человек и не был Сергеем, но по его манере держаться я сразу почувствовал характерный типаж военного, которому на роду написано сгинуть в очередной из бессмысленных битв за демократию. Тем не менее я поехал в дом, где мы выросли, но в его квартире жили чужие люди, не очень ласково сообщившие, что въехали в нее по семерному обмену. Вещи и мебель они вынесли на помойку, и их сразу растащили. От Сергея не осталось ничего.

Заказная не «ценная» бандероль нашла меня года через полтора после отправки. Подпись отправителя и другие данные были написаны явно не Сергиным почерком, а институтский адрес указан с такими чудовищными ошибками, что мне пришлось кардинально переменить мнение о деятельности наших почтовых служб. Впрочем, скорее всего Сергей просто перепоручил кому-то ее отправить «в случае если».

Особого смысла в Сергиных фантазиях я не увидел. Его наивные рассуждения тоже ничем особым не отличались от поверхностных представлений, распространенных в общежитии. А расстроила меня, если честно, иезуитская форма, в которой он не только напомнил мне о своем существовании, но и о том, что же, по его мнению, является правильным, а что нет. О вечном приоритете шатающегося базиса. Тем не менее, я даже собрался подготовить к изданию (конечно, за свой счет и под его фамилией) эту псевдолитературную претензию. Однако за полтора десятка лет эпоха и присущие ей характеры стали настолько малозначимыми, что я постепенно оставил эту затею, набросав лишь данное предисловие, смахивающее на пояснительную записку. Впрочем, время от времени мною овладевает отчаянная потребность достать Сергины бумаги. Тогда я открываю ящик стола, вынимаю папку и через несколько секунд кладу ее обратно, так и не раскрыв. Наверное, жду, что автор объявится сам. Тогда бы мы смогли разобраться и забыть, как часто бывало в детстве. Дай-то Бог...

В. Ф. Гудов

* * *

Двор не переменялся. Просто стал еще чуточку пустынное, хотя, когда я приезжал сюда в прошлый раз, в нем тоже никого не было. Медленно шагая по дырявому коврику из палых тополиных листьев я ощущал невидимые, но хорошо знакомые, до миллиметра обследованные в детстве, атрибуты двора. Едва заметный кусок железного прута, торчавшего возле песочницы и до сих пор не удостоившегося хирургического вмешательства ЖЭКа, останец кладки маленького фонтана, вокруг которого когда-то бурлила наша ребячья жизнь, крохотный пяточок земли, неровно покрытый треснувшим асфальтом, где, года как тридцать три, мы с Гудовым закопали клад — банку из-под монпансье, набитую тускло-коричневыми металлическими пуговицами от гимнастерок, среди которых блестело наше главное сокровище: две военные медали и значок БГТО. Примерно то же самое я ощущал и тринадцать месяцев назад, когда, спустя полтора часа после прибытия, шагал через двор к своей парадной. Помню, еще в мурманском аэропорту у меня возникло желание пойти ночью с Гудовым во двор и, пробив в асфальте дыру, откопать наше богатство. Но Гудов в течение всего моего отпуска болтался с научной делегацией по Скандинавии, а без него я не решился осуществить свой замысел. Разве это клад, если им не с кем поделиться?

Поэтому, войдя в квартиру, я подавил первый порыв набрать номер телефона Гудова. Вдруг его опять где-то черти носят? Ведь и двор почти тот же, и погода, и самолет... Только рейсом из Ашхабада.

— Не будем испытывать судьбу, подполковник, — приказал я себе. — До вечера займётесь хозяйством, а для начала посмотрите в зеркало.

Да... Паспортные данные о том, что я коренной ленинградец, северянин, явно не подтверждались. Чернявый, физиономия цвета марокканского апельсина, да еще и дыня сорта «кара-кыз» валяется на полу рядом с чемоданом... Что ж, начнем наводить генеральный марафет, а Гудову позвоним не раньше 18:00. Если он в городе, то на работе ему в это время делать нечего. Чай не соискатель какой, а доктор биологических наук.

Гудову я позвонил четверть седьмого вечера по местному времени. В трубке долго звучали длинные тоскливые гудки, и лишь после одиннадцатого сигнала ее сняли и тут же довольно небрежно бросили на какую-то твердую поверхность, скорее всего на пол или на стол. Еще несколько секунд спустя послышался глубокий вздох, будто человек, после того как ему зажали рот и нос, шумно втянул в себя воздух.

— К астматике какому-то попал, — подумал я и спросил: — Товарищ Гудов дома?

В ответ прозвучал нечленораздельный булькающий звук.

— Мне нужен Гудов, Вячеслав Федорович, — повторил я.

Трубка щелкнула, тихонько заурчала, а затем устало ответила:

— Он придет скоро. Он обещал.

Голос был мужской, но высокого тембра и немножко заикающийся в начале фразы. Я удивился, поскольку Гудов уже много лет жил один. Мать его умерла от полученной в блокаду желудочной болезни, отца не было вовсе, и Гудов всегда уходил от разговоров о нем. Впрочем, о родителях мы никогда с ним не говорили, кроме того случая, когда меня отпустили со службы на похороны своих.

Детей у Гудова не было, равно как и жены. Поэтому, не удержав любопытства, я спросил:

— Простите, а кем вы ему приходитесь?

Трубка молчала.

— Кто вы? — повторил я.

Последовала продолжительная пауза и голос, с придыханием растягивая букву «с», но четко и, как мне показалось, угрожающе, выплюнул:

— Сука...

Хотя жизнь моя протекала, так сказать, в мужской компании, я не помнил, чтоб со времени курсантства в пограничном училище, да даже и в нём, меня ни с того ни с сего охарактеризовывали подобным образом. Злость поднялась к горлу и, с трудом подавив желание объяснить этой тыловой крысе, кто она есть, я в бешенстве швырнул трубку на рычаг.

Стоило там, в Кугитанг-тау рисковать жизнью ради того, чтоб охранять покой и сон этого ублюдка? Жаль, что окна его квартиры находится не напротив, а на той же стороне дома, иначе взял бы гранату и постарался добросить. Собака! Сволочь душманская!

Я уткнулся в телевизор. Шёл футбол. Игроки в середине поля сонно передавали друг другу мяч. Было похоже, что все медали и очки распределили к началу чемпионата, и на зарплату футболистов результат встречи уже не влиял... Вот ведь как бывает. Думал, приеду, надену белую рубашку и буду выглядеть скромным загорелым героем. И вообще, рубашки буду носить только белые. Никаких синих или даже светло-голубых. А тут как кирпичом по башке. Ладно, пойду гулять в чем одет — джинсы да олимпийка. На улице градусов 13 по Цельсию. Ничего. Не замерзну. В Туркмении перепады температуры побольше, чем тут.

Медленно смеркалось. Не так, как на юге. Там солнце утром выпрыгивает как резиновый мячик из-под воды, и почти так же быстро вечером заходит. Полчаса — и ночь...

Я прошел наполовину двор и оглянулся на окна Гудова. В них было темно. Только форточки настежь. Что же, мой абонент без света сидит, что ли, черная душа?